

Методы и средства работы журналиста

Марк РАЦ, заместитель директора Института стратегических оценок

Есть такая достаточно развитая сфера философского знания, или философии, которая называется "теория познания", или "гносеология". И нет ничего похожего на теорию преобразований в отличие от теории познания. Я поставил бы в соответствие онтологической плоскости (обозначенной на рисунке вопросом: "Как устроен мир?") теорию познания, организационно-деятельностной плоскости ("Что делать?") – теорию преобразований, а плоскости методов и средств ("Как действовать?") – теорию реализации.

Отсутствие последних двух теорий, на мой взгляд, самый большой дефицит в интеллектуальном обеспечении человеческой деятельности.

И именно по поводу теории реализации я попробую изложить некие самые первоначальные соображения.

Почему я считаю необходимым обсудить этот вопрос? Дело в том, что несколько лет назад главный редактор "Независимой газеты", известный журналист Виталий Товиевич Третьяков рассказывал мне о том, что он придумал такую вещь, как "НГ-сценарии". "Сценарии "Независимой газеты" – такое приложение, которое выходит уже года три. Оно, согласно его замыслу, противопоставлялось или было задумано в оппозиции ко всякого рода "Итогам". Вот есть знаменитые телевизионные "Итоги" Киселева, "Зеркало" Сванидзе и т.д., где производятся анализ и обозрение событий, прошедших за последнюю неделю: фиксируется, что случилось, и даются по этому поводу комментарии. А идея Третьякова состояла в том, чтобы не назад смотреть – что случилось, а вперед – что случится. Обсуждать всякого рода прожективные идеи, варианты их реализации, возможные последствия и т.д., и т.п. И в этом состоял замысел "Сценариев "Независимой газеты", где я довольно много публиковался. И, в частности, в №1 за 1998 год опубликовал большую статью под названием "Сценарии для "НГ-сценариев". Там речь шла о возможной концепции и возможных формах реализации этой идеи Третьякова, поскольку, как выяснилось, за прошедшие три года ничего хорошего из этих "НГ-сценариев" не получилось. "НГ-сценарии" представляют собой, по сути дела, размазанную на восемь полос одну полосу обычной "Независимой газеты" под названием "Идеи и люди", которую ведет Алла Хемлин. Ничего там про будущее нет. Опять все то же самое. Вплоть до того, что А.Ципко, бывший там одно время ответственным редактором, публиковал свои мемуары о том, как он в ЦК КПСС работал. Это само по себе может быть и интересно, но к сценариям уж точно никакого отношения не имеет.

Спрашивается: "Почему не получилось?". Вроде бы идея здравая. И, как кажется на первый взгляд, вполне реализуемая. Ответ напрямую связан с тем, что именуется гражданской компетентностью, а также с некоторыми особенностями советских людей. А также с тем, что первоначальный замысел "НГ-сценариев" намного выше среднего уровня как авторов, так и читателей "НГ". И это имеет прямое отношение к журналистскому профессионализму, к профессиональной позиции журналиста. Чтобы написать репортаж или псевдоаналитическую статью ("псевдо", потому что в ней не разведены знания и информация, аналитика и научные исследования, потому что этот "анализ" неизвестно для чего делается: он "вообще", да еще претендует на объективность), позиция, личностное самоопределение не обязательны. А вот прожективное мышление без четкого самоопределения просто невозможно.

Говоря о соотношении аналитики и науки, необходимо ясно понимать, что это принципиально разные вещи, хотя бы потому, что наука имеет дело с идеальными объектами в отличие от аналитики, которая имеет дело с феноменальной данностью. Есть классический пример, который любил Георгий Петрович Щедровицкий. Это пример ромба – геометрической фигуры. Он говорил: "У ромба диагонали перпендикулярны. И это является научно установленным фактом из геометрии и интересует геометров. А какая у ромба площадь или какая длина его диагоналей – геометров совершенно не интересует. Это может интересовать только прикладника для решения каких-то конкретных задач, например, для измерения площади ромбовидного поля. А геометру это глубоко безразлично. Установление факта перпендикулярности диагоналей ромба – предмет науки. А длина диагоналей или площадь ромба – это предмет анализа".

Итак, первое отличие науки от аналитики состоит в том, что наука занимается идеальными объектами, а аналитика занимается феноменальной данностью.

Второе отличие. Наука, в особенности любимая нами фундаментальная, нацелена на получение

новых знаний. Получение новых знаний есть самоцель и самоценность в науке. Аналитика совершенно не интересуется новыми знаниями как таковыми. Аналитика всегда осуществляется для чего-то. Анализ "для" есть принципиальное отличие аналитической деятельности от науки. Мониторинг, авторский надзор или экспертиза всегда делаются для чего-то, а не вообще. Не для того, чтобы знания получить, а для того, чтобы реализовать какие-то формы человеческой деятельности. И это второе принципиальное отличие аналитики от науки.

Не менее важное различие, которое у нас тоже не принято делать, – это различие между аналитическим и информационным обеспечением деятельности. У нас не только не принято различить эти вещи, а даже наоборот, как правило, соответствующие подразделения в российских учреждениях по наследству от советских имеют наименования информационно-аналитических. В чем тут разница? Информационное обеспечение нацелено на заполнение определенных пустующих мест в структурах деятельности. Когда есть пустое место, куда можно вставить некие сведения, и, будучи вставленными в это пустое место, эти сведения обеспечивают работу нашей системы деятельности, мы имеем дело с информационным обеспечением. То есть наперед известно, что именно надо. Как в примере с пожарной охраной: для того, чтобы пожарники выехали на место, надо им сообщить адрес, по которому произошло возгорание.

Аналитическая деятельность, или, точнее говоря, аналитическая мыследеятельность, в противоположность этому ориентирована на получение новых знаний, которых раньше не было и которые, следовательно, не могут использоваться в автоматическом режиме, а требуют понимания, осмысления, разработки способов задействования в существующих системах деятельности либо построения новых систем деятельности. Короче говоря, аналитика всегда есть инновационная деятельность. И этим она принципиально отличается от информационного обеспечения. Она всегда ориентирована на преобразования, на изменения существующего порядка вещей.

Много лет назад Карл Поппер в своей маленькой книжечке под названием "Нищета историцизма" различал так называемый "холизм" ("холизм" – это интенция на глобальные преобразования от слова "целое") и "частичную социальную инженерию". Он ругательно ругал этот холизм и тенденцию изменять сразу все: весь мир, общественно-политический строй страны, культуру народа и т.д. – противопоставлял этому частичную социальную инженерию: решение частных конкретных задач в определенных рамках, с учетом определенных систем употребления, как сказали бы мы сейчас. И говорил, что реально и осмысленно можно что-то потихоньку менять (это в силах человеческих), имея в виду, что некие объемлющие системы при этом остаются неизменными или меняются частично, и меняется способ употребления чего-то, что мы перестраиваем. А как только у нас появляется замах на глобальные преобразования, на мировую революцию и тому подобное, так сразу мы обречены на провал в своих действиях. Потому что ничего тотально изменить человек не в состоянии. Это несоразмерно человеческим силам или несоразмерно возможностям человеческого разума.

Отсюда возникает так называемый "эффект целостности", или сопротивление материала, когда, пытаясь изменить нечто согласно своим целям и интересам, мы, что называется, наступаем на грабли и получаем по лбу. Связано это либо с тем, что целое сопротивляется преобразованиям своей части, либо с тем, что материал, который "живет по своим законам", сопротивляется внешним насильственным изменениям.

Это, кстати, одно из тех обстоятельств, неучет которых приводит к пробуксовыванию российских реформ или к результатам, противоположным задуманному. Мы тоже хотели сразу, одним махом из социализма попасть в развитый капитализм. Такие тотальные задачи не поддаются одномоментному решению. Их надо решать по частям, постепенно.

На схеме показана траектория естественного превращения и искусственного преобразования ситуации С1 в ситуацию С2.

Я хотел бы более детально поразмышлять о том, что происходит в голове у этого персонажа (вверху), который занимает позицию управленца, предпринимателя или политика и берет на себя ответственность за будущее: за преобразование не устраивающей его сегодняшней ситуации в некую новую ситуацию, которую он сначала "промысливает", а затем пытается согласно этой мысли что-то устроить в жизни.

Если об этом рисунке можно говорить как о методологической схеме (и она, действительно, является одной из базовых методологических схем), то ниже изображена мнемоническая картинка, которая может быть полезна с точки зрения понимания дальнейшего материала, но не является схемой.

Наверху написано слово "прожектирование", которое обозначает примерно то же самое, что "проектирование". Только это как бы обобщенное проектирование. Проектирование включает в себя и прогнозирование, и программирование, и планирование, и собственно проектирование, и построение утопий, и др. Одним словом, проектирование – это мышление, ориентированное на будущее.

Параллельно прожектированию идет вторая стрелка – исполнение, т.е., как у нас любили говорить "воплощение задуманного в бетоне и металле". И, соответственно, третья стрелка – анализ всего происходящего. Предполагается, что позиционер, набравшийся смелости осуществлять искусственно–техническое преобразование не устраивающей его ситуации, будет осуществлять работы трех названных типов (или работы, которые можно мысленно разделить на три такие группы).

По горизонтали идет ось времени. А,Б,В – соответственно точки времени, которые выделяют какой–то этап прожективной деятельности, исполнения, аналитической деятельности. Точка А означает сегодняшний момент. То, что произошло до этого момента, – уже история, это уже случилось. Соответственно, оно нарисовано пунктиром. То, что мы собираемся делать, нарисовано сплошными линиями. Места различных типов прожективной деятельности обозначены цепочкой. Однако это не значит, что в реальной жизни они представляют собой только такую линейную цепочку. Это является заведомым упрощением. А что касается аналитических типов деятельности, то с ними дело обстоит несколько иначе. Здесь можно выделить несколько различных типов деятельности: первый – мониторинг, второй – авторский надзор, третий – изыскания, или обследования, четвертый – экспертиза и пятый – историческая реконструкция и анализ.

Предмет, о котором я говорю, крайне сложен. И мне никогда не попадалось систематическое изложение такого рода материй в каких–либо научных или околону научных трудах. По этому поводу я могу сослаться только на свою статью, опубликованную в №1 "Сценариев "Независимой газеты" за 1998 год. Статья, подписанная псевдонимом "М. Владимиров", как раз посвящена жизненному циклу замыслов преобразований и касается прожективных типов деятельности.

Что касается аналитических типов деятельности, то про них есть только серия длинных и нудных статей, опубликованных в 1991–1992 годах. Эти публикации, безусловно, устарели, поскольку времени прошло много и понимание предмета сильно изменилось. Тем не менее, это была попытка каким–то образом систематизировать прожективную и аналитическую деятельности.

Итак, прожективная и аналитическая деятельности осуществляются параллельно. С некоторым отставанием, хотя частично перекрывая их, идет исполнение. Причем, тут очень важно это перекрытие: мы еще проектирование не кончили, а исполнять уже начали. Или вести аналитическую работу еще продолжаем, а уже начинается исполнительская деятельность. Но повторяю, это не более, чем картинка. Не надо воспринимать ее так, как мы воспринимаем схему, точно воспроизводящую ситуацию или процесс.

Поскольку я являюсь последователем Георгия Петровича Щедровицкого и работаю, соответственно, в деятельностном подходе, в отличие от натуралистического, то для меня первым является вопрос о том, что мы хотим делать и хотим ли мы что–нибудь делать вообще? А если мы чего–нибудь хотим, тогда возникает второй вопрос о том, какие знания нам нужны для того, чтобы осуществить наши желания и, в частности, какие–то знания об окружающем нас мире. Поэтому на первом месте вопрос: "Что делать?", а уже потом вопрос: "Как устроен мир?", а не наоборот.

Таким образом, все начинается с осознания ситуации неудовлетворения. Мы постепенно понимаем, что что–то в нашей жизни не так. То ли надо с женой разводиться, то ли надо ребенка в другую школу переводить, то ли надо строить в России гражданское общество.

Масштаб деяния значения не имеет, главное – надо что–то делать. И из этой ситуации неудовлетворения как бы растут две ветви разных типов мышления и деятельности: аналитическая и прожективная.

Прожективная ветвь – это то, что я перечислял: всякого рода концепции, программы, проекты и т.д. того, что мы хотим, как мы себе представляем будущее и как реализовать наши замыслы. Аналитическая ветвь – это, соответственно, пять типов мыслительной деятельности. Все вместе – это некая система прожективно–аналитической, или преобразовательной деятельности. В ней как бы все это свернуто в одном очень емком представлении об искусственно–технических преобразованиях нас самих и нашего мира. Если разобраться в этом поподробнее, то там раскрывается веер различных типов прожективной и аналитической деятельностей, которые

культурные люди обязаны осуществлять, если они хотят добиться своих целей и при этом не напакостить соседу. Чтобы это произошло, нам приходится начинать все с осознания замысла того, что же именно мы хотим сделать. Причем, замысел преобразований – это еще не мысль. По Далю, "замыслить" – это значит затеять в мыслях на будущее.

Так вот, затеывая что-то в мыслях, нужно различать две стратегии. Первая, когда мы эту свою затею – допустим, формирование Центра гражданской журналистики – представляем в виде жестко определенной цели и дальше в большевистской манере начинаем непосредственно реализовывать свой замысел. То есть, условно говоря, на следующей неделе собираемся, выбираем бюро или какой-нибудь ЦК гражданской журналистики, намечаем план действий (до 1 мая сделать то-то, а до 1 июня сделать то-то). Все это расписываем на бумажке и начинаем неукоснительно выполнять этот план. В итоге мы получим не центр гражданской журналистики, а центр тоталитарной журналистики. Ровно противоположное. Поскольку гражданская журналистика делается совершенно по-другому. Это, так сказать, система непосредственной реализации замыслов. Например, сообразили, что надо построить ДнепроГЭС – ну, вперед, "комсомольцы, беспокойные сердца". Чтобы через два года вместо трех ДнепроГЭС был построен. Это – как не надо делать. Потому что все боком выходит. А хорошо бы использовать совсем другую стратегию: опосредовать наши замечательные замыслы (будь то строительство ДнепроГЭСа или гражданского общества в России) целым рядом мыслительных операций, продумывая наш замысел и соотнося его с наличной ситуацией: что нас сегодня не устраивает и как это соотносится с тем, что мы хотим. И тут я говорю вещь еретическую (с точки зрения привычной нам советской культуры). Я говорю: нельзя представить себе идеальную картинку будущего, не отталкиваясь от той ситуации, которая нас сегодня не устраивает. И точно также нельзя прорисовать сегодняшнюю ситуацию, не имея идеальной картинки, в противоположность этой фактически существующей ситуации. Потому что у нас будут разные идеальные картинки (они, как правило, у всех людей разные, у каждого своя). Каждой идеальной картинке соответствует свое видение сегодняшней ситуации.

Если у каждого из нас свой собственный идеал, то точно также каждый из нас по-своему видит сегодняшнюю ситуацию, происходящее сегодня. Хотя вот, кажется, выглянули в окно и видим все одно и то же, а оказывается, что нет. Оказывается, что если речь идет об общественных системах, то все видим разное. И отсюда все политические партии, все эти бесконечные баталии, компроматы и т.д.

Итак, система, о которой я рассказываю, это и есть система опосредованной реализации замыслов, не очень характерная для привычной нам советской культуры, но, вроде бы, соответствующая нормам европейской культуры, как ее понимали и в России до 1917 года.

Первое, что мы делаем, мы должны осознать замысел тех преобразований, которые хотим осуществить. Одновременно и параллельно разворачивается работа по обследованию существующего положения дел, то, что я назвал изысканиями. В каждой точке – А, Б, В... – где осуществляется выбор (это называется в науке "точкой фуркации", а точка выбора из двух возможностей – соответственно "точкой бифуркации"), осуществляется своя экспертиза и свои изыскания. Вот проводятся изыскания, которые нацелены специально на то, чтобы прорисовать существующую ситуацию, которую мы хотим менять и которая нас не устраивает. Это не следует понимать так, что этапу рефлексии и формирования замыслов соответствует этап проведения изысканий. Изыскания на самом деле могут тянуться непрерывно или периодически проводиться на протяжении всего того времени, что мы занимаемся прожективно-аналитической работой – до тех пор, пока замысел не будет реализован. Но сам замысел существует только в точке А, поскольку дальше с ним происходят некие метаморфозы, в ходе которых он часто превращается в свою противоположность или, как минимум, сильно меняется.

Если речь идет о крупных общественно значимых преобразованиях (допустим, о формировании в России гражданского общества) и если мы хотим сохранить хотя бы его общую ориентацию, то первое, что нам надо сделать в надежде реализовать этот благой замысел, это выработать соответствующую идеологию. Идеология есть только первый шаг на пути проработки замысла, необходимый для того, чтобы публика (общество) могла бы выработать свое отношение к предлагаемому замыслу. Итак, разрабатывается соответствующая идеология, которая позволяет обществу структурироваться, благодаря которой в обществе возникают разные позиции. Одни – "за", другие – "против", третьи – хотят сделать не совсем так, а немного иначе. Начинается обсуждение замысла, в результате которого он должен претвориться в мысль. А претворение замысла в мысль обозначается словом "концепция". Концептуализация замысла – это самый главный и ответственный момент во всей цепочке этого опосредования и реализации. Потому что если вы не доводите свой замысел до четко сформулированной мысли, если у вас не возникает понятия "гражданское общество", а вы твердите о том, что хотите поспособствовать формированию в России гражданского общества, то это будет работа без понятия, из которой ничего не выйдет или выйдет

все наоборот. Значит, для того, чтобы формировать в России или в Гвинее–Бисау гражданское общество, надо иметь четкое представление о том, что такое гражданское общество. Гражданское общество – это не просто что–то хорошее, где все люди братья, где все живут мирно, согласно призывам кота Леопольда и т.д. Гражданское общество – это очень сложная конструкция, для которой надо иметь соответствующую схему объекта (онтологическую схему), которая и задает понятие гражданского общества. Такого понятия нет ни у нас, ни у американцев, ни у кого. Его нет в современной культуре. Если мы хотим содействовать формированию в России гражданского общества, то первое, что культурным людям надо сделать в данной ситуации, – это не бежать со знаменем на улицу проводить митинг, а сесть в кабинете, обитом пробкой, как делал Марсель Пруст, и сильно задуматься на тему о том, а что же мы имеем в виду? Как мы мыслим себе гражданское общество? Каково понятие гражданского общества и что, собственно, мы хотим построить? Итак, если удастся проделать эту работу концептуализации, то дальше возникает возможность и необходимость строить программу соответствующих работ, реализующих наш замысел. С программами дело обстоит даже хуже, чем с концепциями, в том смысле, что концепций у нас нет, а программ очень много. Как говорит Игорь Шабдурасулов: "Ненавижу слова "концепция" и "программа". И это не лишено смысла. Потому что, действительно, все твердят о том, что у нас нет концепций: со времен Горбачева наши средства массовой информации переполнены плачем по поводу отсутствия концепции реформ. И при этом звучат победные крики на тему о том, что у нас миллион программ (президентские программы, правительственные программы, программы общественных организаций и движений, программы партий и т.д.). Так вот, нет и не было за последние 70 лет в России ни одной программы. Последней программой в России, как это ни парадоксально, был план ГОЭЛРО. Это была типичная программа в цивилизованном понимании этого термина, каковой, к примеру, потом была знаменитая в Соединенных Штатах "программа Теннесси".

В 1932 году, во время великой депрессии, недавно избранный президентом Соединенных Штатов Франклин Рузвельт дал зеленый свет так называемой "программе Теннесси", или программе развития долины реки Теннесси. Когда она начиналась, долина реки Теннесси была одним из самых отсталых и нищих районов Соединенных Штатов. Сейчас это один из наиболее развитых регионов страны, национальная гордость США. В 1932 году, когда эта программа запускалась, приступили там к гидроэнергетическому строительству. Потом пошло строительство атомных электростанций и много чего другого. И никто тогда не думал ни о том, сколько лет понадобится на реализацию этой программы, ни о том, сколько это будет стоить. Оказалось, что на это понадобилось 60 лет. И я не уверен в том, что эта программа уже кончила функционировать. Может быть, она и сейчас еще движется дальше.

Значит, нам приходится прибегать к программной организации работ в тех случаях, когда мы имеем дело с объектами, несоразмерными нашим человеческим возможностям. Привести целый регион в состояние процветания из состояний нищенского и разрушенного – это задача несоразмерная человеческим возможностям. Это не может сделать ни один человек, ни обозримый коллектив людей. Это невозможно сделать на протяжении жизни одного поколения. Задача превосходит наши возможности. А следовательно, является не задачей, а проблемой. У нас нет средств ее решения на протяжении нашей жизни и нашими руками.

Дальше. Объект, с которым мы имеем дело, отличается тем, что живет вроде бы по своим собственным имманентным законам. Это не просто железо, которое можно положить на наковальню и с помощью молота придать ему нужную форму. Есть, к примеру, такая сложная организованность, как, допустим, регион страны, город или сфера деятельности, отрасль хозяйства, которая живет по своим собственным, плохо известным нам законам. И вовсе не факт, что, если мы начнем извне совершать какие–то преобразования, получится то, что мы хотим. В силу упоминавшегося уже сопротивления материалов получится нечто третье: не то, что вышло бы, если бы мы не вступали в это дело, и не то, что мы хотели получить. И вот это типичная ситуация, когда надо пользоваться программной организацией работ.

В нашем российском понимании программа – это прежде всего целевые комплексные программы, как их понимают наше правительство и, соответственно, руководящие органы на местах. Это есть некий документ, в котором расписано, кто, когда, за какие деньги и из каких источников полученных будет осуществлять те или иные действия для того, чтобы достигнуть заранее поставленной цели. При этом, если мы заранее жестко фиксируем цель, имея в виду крупные общественно значимые преобразования, то тем самым получаем полную гарантию, что цель достигнута не будет. Потому что цель может и должна рафинироваться по ходу дела, в процессе реализации наших замыслов, в процессе сложной многоступенчатой серии опосредований. А первоначально у нас есть только некоторые ориентиры. Мы хотим, чтобы Россия была нормальным цивилизованным государством. Мы хотим сами иметь нормальную жизнь или, как минимум, чтобы наши дети и внуки ее имели. Но

это – не цель. Это только благое пожелание, каковыми, согласно известной поговорке, вымощена дорога в ад. А для того, чтобы превратить эти благие пожелания в конкретные цели, надо проделать очень большую мыслительную работу. Но на это у нас нет ни времени, ни денег. Поэтому эта работа не делается. Поэтому стратегические цели не вырабатываются, а берутся "из тумбочки", т.е. заведомо не отвечают реальной ситуации.

Итак, программа в методологическом смысле слова, как правило, бывает не целевая, а, я сказал бы, для игры, "бесцельная".

Программа, однако, позволяет сохранять смысл исходного замысла, двигаться в некотором, принятом нами, направлении: например, двигаться в направлении к гражданскому обществу. Цели при этом формулируются по ходу дела и меняются по ситуации: сегодня одни цели, завтра будут другие. При этом программа одна и та же, потому что программа – это не документ. Программа – это особая форма организации работы, которая позволяет осуществлять преобразовательную деятельность, ориентированную на несоизмеримые нам объекты. На объекты, живущие своей собственной жизнью, и на объекты, которые просто так, по собственному желанию переделать нельзя.

Собирается некий коллектив. Формируется некий субъект, держатель этой программы, например, дирекция программы. И на протяжении многих лет идет работа по ее выполнению. (Обращаю внимание: не бывает программ, которые реализуются за две недели.

Это не программы!) В ходе развертывания программы, как ветки от дерева, от нее отпочковываются соответствующие проекты. То есть программа движется своим ходом, а от нее отделяются проекты. При этом они как бы не отваливаются сразу. Они сначала возникают внутри программы в соответствующих функциональных местах. Если взять, к примеру, наш знаменитый план ГОЭЛРО, то в его рамках возник проект строительства Свирской гидроэлектростанции. Потом возникли проекты строительства гидроэлектростанций на Волге. Таким образом, в ходе развертывания программы электрификации России, названной в свое время планом ГОЭЛРО, сформировались конкретные строительные проекты.

Проект в отличие от программы предполагает некую обозримость во времени и пространстве. Например, проектируют конкретный промышленный узел, или конкретную электростанцию, или жилой район или просто новый город. Все это можно спроектировать и построить. Так же, как можно спроектировать и построить самолет или автомобиль новой марки. Причем, на Западе существует подход, в соответствии с которым считается, что то, что укладывается в 2–3 года, может организовываться как проект, а то, что занимает больше времени, уже требует программной организации. И точно так же то, что укладывается в сумму 2–3 миллиона долларов, можно организовывать и реализовывать в проектной манере, а то, что превышает 2–3 миллиона, – на самом деле, то, что непонятно сколько стоит (может быть 10 миллионов, а может быть 100, а может быть миллиарды) – это уже требует программной организации. Это немного наивная постановка вопроса. Но она чрезвычайно наглядна, доходчива.

Если разработанная целевая комплексная программа стоит миллиард долларов, то нельзя изначально говорить о целях, и потому что цели в процессе ее реализации 10 раз изменятся, и потому что этот миллиард долларов за 1 год не освоить, на это понадобится 10 а то и 15 лет. При этом точно не известно, ни сколько времени потребуется на ее выполнение, ни сколько денег. Это принципиальное обстоятельство. В методических указаниях по формированию целевых комплексных программ, которые являются официально действующими в России и утверждены Советом Министров – Правительством Российской Федерации аж 2 раза (26 июня 1995 г. и 21 июня 1998 г.), написано, что в обязательном порядке извольте сообщить по поводу вашей целевой комплексной программы сроки исполнения, необходимое финансирование, кто будет делать, что будет делать и т.д., и т.п. То есть реально программа подменяется планом. И поэтому ни одна программа у нас не реализуется. Я это говорю совершенно ответственно. Нет такой программы, которая была бы реализована в России. Думаю, что точно так же обстояло дело в Советском Союзе. Но поскольку там очень хорошо была поставлена работа ЦСУ и проверить ничего было нельзя, то иногда возникало впечатление, что что-то из намеченного, из задуманного действительно реализовано. Но я подозреваю, что если покопаться в истории, то окажется, что и в Советском Союзе ни одна программа не была реализована.

Итак, отделяются от программы проекты, которые начинают реализовываться. А программа развертывается дальше. Программа – живой организм или должна мыслиться как живой организм. Программа живет и порождает проекты. И, соответственно, формируются планы реализации тех или иных действий. Допустим, планы строительства того или иного объекта или планы запуска в серию нового самолета. И здесь уже все расписано точно так, как наше правительство требует

применительно к программам. Отличие плана от программы состоит в том, что план – это не живой организм, а мертвая бумага, имеющая нормативную силу. И в этой бумаге действительно написано, кто, за какие деньги и в какие сроки делает ту или иную работу.

Программная организация ориентирована на проблемы, на решение проблем, когда непонятно, как действовать. А план имеет дело с необходимостью решения задач. Планы составляются тогда, когда пути достижения цели понятны. (Проблемы – это цели, не обеспеченные средствами их достижения. Если средства есть – тогда это задача. Задачи бывают трудные. Иногда приходится поломать голову, прежде чем найдешь решение. Но, тем не менее, в принципе средства решения задач известны.) Все проблемы решают организаторы, руководители и управленцы в собственной голове или в коммуникации друг с другом, но на уровне мысли. Решают их еще до того, как в дело включается исполнительская система. И тогда исполнительская система работает, как часы, как хорошо отлаженный механизм. Потому что исполнители не умеют и не должны решать проблемы. Это не их дело. Их этому не учили. А что происходит у нас? У нас начальству некогда, времени работать головой у него нет. Значит, проблемы остаются проблемами и валяются на голову исполнителям. А исполнители в принципе не в состоянии решить проблему: они, в отличие от руководителя, не знают средств решения, не знают где и как их искать. И в конечном итоге получается, что проблема не решается вовсе или решается в совершенно непредсказуемом режиме и с непредсказуемыми результатами.

Теперь я возвращаюсь к аналитическим типам деятельности, поскольку вся эта цепочка возможна только при условии, что осуществляются одновременно и параллельно прожективные и аналитические действия. Причем, вторые имеют совершенно принципиальное значение. Без них ничего не происходит. Без них все оказывается благими пожеланиями или утопиями, которые никак не связаны с реальной жизнью. Я уже упоминал изыскания, с которых все начинается. Но изысканиями дело не кончается. Прорисовали ситуацию. Представили себе, как сегодня обстоит дело: что именно нас не устраивает и что мы хотим менять. Но обстоятельства ведь переменчивы, тем паче, если речь идет о каких-то общественных преобразованиях. Общество – вещь очень лабильная, очень изменчивая: сегодня одни настроения, а завтра другие. Поэтому нужна система непрерывного отслеживания того, как меняется ситуация.

Эта система называется "мониторинг". Известно, что мониторинг осуществляют, допустим, синоптики, которые занимаются прогнозом погоды. Прогноз погоды делается на основании синоптического мониторинга, отслеживания того, где какие ветры дуют, где давление повышается, где понижается, где меняется влажность и т.д. Ровно то же самое относится к любой работе, связанной с крупными общественно значимыми преобразованиями, поскольку в обществе все точно так же меняется, как и в атмосфере. Но отличие состоит в том, что в обществе происходят перемены не только сами по себе и от нас не зависящие. Здесь еще происходят перемены, которые мы сами инициируем. Если мы что-то хотим менять, если мы предпринимаем соответствующие действия, то тем самым мы осуществляем какие-то перемены.

Для того, чтобы отслеживать результаты наших искусственно-технических действий, тоже нужна система постоянных наблюдений за происходящим. Причем, в отличие от системы мониторинга, осуществляемой в естественном полагании: то, что мы отслеживаем, происходит как бы само собой и независимо от нас, а мы бесстрастно фиксируем происходящее, – система наблюдений, ориентированная на отслеживание результатов наших искусственно-технических действий, строится, наоборот, в искусственном полагании. Здесь мы фиксируем, что происходит в результате того, что мы целенаправленно осуществили те или иные мероприятия. Этот мониторинг называется "авторский надзор", причем слово "авторский" носит принципиальный характер. Потому что искусственно-технические преобразования не происходят сами по себе, они фактически всегда имеют автора: того, кто это выдумал; того, кто эту идею проработал, довел до ума. Недаром в Америке все законы имеют собственные имена: "Поправка Тафта Хартли", "Поправка Вэника Джексона" и др. Есть ли у нас хоть один закон или поправка к закону, принятая нашей Думой, которая имела бы имя собственное? Ничего подобного. У нас все законы и поправки из небытия возникают. Авторы у них как бы нет. Эта замечательная советская традиция. Но если речь идет о культуросообразных искусственно-технических преобразованиях, то обязательно есть автор, и обязательно должна быть система авторского надзора.

Система авторского надзора позволяет:

1. Проследить за тем, соответствует ли работа исполнительской системы проекту. То есть реализуется ли тот замысел, который был доведен до состояния проекта, или какие-то сбои происходят, и что-то идет не так, не в ту сторону и не таким образом? Прежде всего обеспечивается соответствие реализации проекта тому, что было задумано и решено.

2. Вносить соответствующие коррективы в сам проект, в том числе в организацию работ. Потому что по ходу дела может оказаться, что надо оперативно менять принятое решение. Вот это оперативное изменение решений происходит по результатам работы системы авторского надзора.

3. Сменить методы и средства в том случае, если выяснится, что те методы и средства, которые казались достаточными для реализации замыслов, не срабатывают. Вот эта смена методов и средств тоже осуществляется по результатам работы авторского надзора.

Таким образом, авторский надзор – это важнейшая подсистема оргуправленческой деятельности, которой у нас нет. У нас единственная сфера, где есть нечто, напоминающее авторский надзор, – сфера материального производства. На больших стройках бывают группы проектировщиков, которые осуществляют авторский надзор за строительством. На оборонных заводах были военпреды, которые отслеживали, чтобы производство танков или самолетов соответствовало проекту и потребностям армии. Но это очень локальные системы. И только системы материального производства. А где у нас система авторского надзора за знаменитыми экономическими реформами? И службы такой не было и нет. И даже мыслей таких нет. Поэтому мы никогда не достигаем поставленных целей.

Итак, то, что обозначено на рисунке цифрами 1 и 2, то, что идет как бы непрерывно во времени и является сердцевинной аналитической деятельностью, – это взаимодополнительная система мониторинга и авторского надзора. В точках фуракции А, Б, В осуществляются особые дополнительные виды аналитической деятельности. Это, прежде всего, упоминавшиеся уже изыскания, которые осуществляются периодически, каждый раз, когда наступает момент принятия тех или иных решений: изменения принятой стратегии, принятой тактики, изменения арсенала методов и средств и т.д. Это очень четко прослеживается на примере строительного проектирования. Там есть стадии проектирования. Они в разные времена назывались по-разному. Но суть не в названии, а в существе дела. Начинается все с технико-экономического обоснования строительства. Затем идет проектное задание, технический проект, рабочие чертежи. И по рабочим чертежам уже начинает работать исполнительная система, т.е. начинается стройка. На всех этих границах: между технико-экономическим обоснованием и проектным заданием, между проектным заданием и техпроектом, между техпроектом и рабочими чертежами – проводятся изыскания для последующей преобразовательной деятельности, для последующей стадии проективной работы. Изыскания нацелены вперед для обеспечения следующей стадии. А что получилось к данному моменту – это анализирует экспертиза, которая проводится одновременно с изысканиями. Но только изыскания нацелены на будущее, а экспертиза нацелена на прошлое. Экспертиза оценивает то, что уже сделано – хорошо или плохо, правильно или неправильно – с точки зрения экспертов.

И здесь происходит самое интересное в последнее десятилетие. Дело в том, что в так называемых развитых странах сформировался новый пучок типов мышления и деятельности, как бы ассоциированных с экспертизой или связанных с экспертизой. Этот пучок занятий, которые реализуют идею той самой демократии участия, о которой я уже говорил. Речь идет об оценке воздействия проектов на окружающую среду (ОВОС). Сюда относятся и публичные расследования, и система паблик релейшнз – взаимоотношения с общественностью.

Еще несколько десятков лет назад ничего этого просто не было в природе. Никто таких слов не знал, и никто не занимался артикулированно такого рода деятельностью. Не было этого пресловутого ОВОСа, никто не занимался общественными расследованиями, не было никакого паблик релейшнз. Хотя занятия в этом роде, конечно, были испокон веку. Но они не были отрефлектированы и рафинированы, не были выделены в самостоятельные сферы деятельности. Сейчас это происходит у нас, а в развитых странах уже произошло.

Теперь о самом интересном: исторической реконструкции анализа. Мы привыкли к тому, что история – это такая наука. Я думаю, что история, вообще говоря, не должна мыслиться только как наука или не стоит ее таковой мыслить по той простой причине, что никаких законов истории доселе людям открыть не удалось. Марксисты очень любили говорить о железных законах истории, не предъясняя ни одного, хотя бы для примера. И сейчас тоже у нас есть большие любители болтать о законах истории. Но ни одного примера исторического закона никто привести не может. И не сможет никогда. Потому что единственный закон истории состоит в том, что у нее нет общих законов. "Законы истории" меняются по ходу истории. Людям, воспитанным на историческом материализме, это принять трудно.

Попробую пояснить.

Что такое эволюция по–нашему? Мы привыкли считать, что это, дескать, антоним революции. Революция – это когда "одним махом семерых убиваем", а эволюция – это когда постепенно. Но это хорошо для третьего класса средней школы. А если вдуматься, то эволюция есть постепенное накопление разного рода перемен в интересующем нас объекте. Тут еще очень интересный вопрос об объекте эволюционирующем. Поскольку, если он эволюционирует, то провести границы объекта оказывается очень трудно. Оказывается, границы могут меняться во времени, если происходит эволюция. Но, помимо этого, выясняется, что законы, по которым живет этот объект, тоже эволюционируют. И основной смысл эволюции состоит не в том, что объект меняется, а в том, что меняются законы его жизни. Вот что такое эволюция по сути дела. А потому, законы истории – это "мокрый огонь". А потому историю не надо трактовать как естественную науку или по аналогии с естественными науками.

Можно с некоторой долей условности говорить об исторической науке, имея в виду целый пучок вспомогательных исторических дисциплин, типа текстологии, археологии или археографии, которые, действительно, устроены по образцу естественных наук. А сама по себе история в первую голову не наука, а деятельность по реконструкции процессов и событий, проходивших в прошлом. Историческая реконструкция и затем анализ того, что удалось реконструировать, – это и есть основное занятие историка.

Однако ни историческая реконструкция, как всякая другая реконструкция, ни анализ не являются научным исследованием. Это совершенно другого типа занятие. Это не наука. Но вещь, тем не менее, или именно поэтому совершенно необходимая, если мы хотим культуросообразно проводить наши общественно значимые преобразования. Потому что нельзя проводить в России реформы, не зная истории России. Так же, как и в любой другой стране. Потому что у каждой страны есть свой собственный путь исторической жизни, свой собственный путь движения. У каждой страны своя, как у каждого человека, "биография". Нет двух людей с одинаковыми биографиями.

И нет двух стран с одинаковыми историями. И поэтому, двигаясь вперед мысленно, замышляя что–то изменить в жизни страны, в жизни общества, в жизни народа, надо обязательно соотноситься с тем, что было слева от точки А. Надо ответить на вопрос: "Как сформировалась в России та ситуация, с которой мы сегодня имеем дело?". И если мы в этом толком не разберемся, если мы соответствующую историческую реконструкцию не произведем, если мы не проанализируем всего того, что произошло до настоящего момента, то мы заведомо наделаем глупостей со своими замыслами преобразований, какими бы они ни были благими.

Хочу обратить внимание, что как бы мы ни старались, какие бы хитроумные системы проективной и аналитической мыследеятельности мы ни пытались рафинировать из своего опыта и рефлексировать на базе того, что нам довелось сделать, нам никогда не удастся построить такую систему, которая бы обеспечивала реализацию наших замыслов один к одному. Всегда, как бы мы ни старались, в ходе реализации наши замыслы претерпевают те или иные изменения. И чем более значительны эти замыслы, чем более они масштабны, тем более существенные изменения с ними происходят (хотим мы этого или не хотим) по той простой причине, что мы не способны в силу ограниченности своего разума предусмотреть все последствия наших действий.

И поэтому Карл Поппер и вслед за ним Джорж Сорос все время говорят о принципе погрешимости. Почему, – говорят они, – нужно открытое общество? Потому что мы все время ошибаемся. И никакими усилиями избежать ошибок мы не можем. Поэтому мы все время должны рефлексировать то, что и как мы делаем, и должны все время быть готовыми к исправлению своих ошибок; должны все время быть готовы повернуть. Выяснили, что ошиблись, – повернули немного в сторону, откорректировали свои методы и средства, откорректировали свои ориентиры, изменили свои цели, пошли левее или правее. Вот поэтому и происходят все время эти колебания маятника от социал–демократии к либерализму и обратно. Потому что оказывается, что иной раз слишком далеко заходят. Слишком далеко зашли с либерализмом – повернули в сторону социал–демократии. Опять переборщили – повернули в сторону либерализации. И все время вот таким образом и движутся. И это нормально. Но к этому обязательно надо "прикладывать голову".

Опять в качестве примера обращусь к строительному делу. В чем состояла всегда разница между сферой строительства в Советском Союзе и на Западе? В Советском Союзе на проектные и изыскательские работы, условно говоря, шел один процент стоимости строительства. А на Западе на проектно–изыскательские работы шло 10 процентов стоимости строительства. Это значит, что на работу мозгами на Западе тратили в 10 раз больше денег, чем у нас. Соответственно, строительство оказывалось в 10 раз дешевле, чем у нас. А мы хотели сэкономить и сэкономили прежде всего на работе головой. И поэтому строительство у нас получалось в 10 раз дороже. Поэтому строили не то, не там, не так, как следовало бы по уму.

И в заключение – о журналистике. Есть две сферы деятельности, от которых реально зависит будущее нашей страны. Это сфера образования и сфера средств массовой информации. Печатное слово и устное слово, слово вообще – самое мощное оружие, которое выдумали люди. Это страшнее атомной бомбы, если пользоваться им, не прикладывая соответствующей энергии мысли. И наоборот, это оружие, с помощью которого можно достигнуть феноменальных результатов, если напрячь свои мысли, а не сводить все к пустому трепу – устному или письменному.